

Научная статья

УДК 821

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-368-379

EDN: TZTJNH

МЕТАФИЗИКА СНОВИДЕНИЯ В РАССКАЗЕ ЗАУРА КАНКУЛОВА «СВЕТЛАЯ КОПОТЬ»

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. Статья акцентирует плодотворный, но на сегодняшний день не разработанный в контексте адыгской литературы и ее истории вопрос исследования сновидений. Через характерные эпизоды из биографий знаковых фигур истории адыгской литературы акцентируется проблема «творчество и сновидение», в качестве наиболее интересных и достоверных рассмотрены эпизоды, в которых опыт соприкосновения через сон с некими сакральными сферами поведан из первых уст. Метафизика сна, развернутого в объеме отдельно взятого произведения, исследуется на материале рассказа Заура Канкулова «Светлая копоть». Особенности сновидения героя рассмотрены с опорой на аспекты, которые позиционируются как определяющие в большинстве современных исследований, посвященных интерпретации сновидений в художественном тексте. Выявлено, что метафизику сна в рассказе «Светлая копоть» определяют ценности, ассоциированные в мировой культуре с противостоянием тьмы и света.

Ключевые слова: Заур Канкулов; Натуко Шеретлук; Бекмурза Пачев; сновидение; адыгская литература; метафизика.

Для цитирования: Кажарова И.А. Метафизика сновидения в рассказе Заура Канкулова «Светлая копоть» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 368-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-368-379. EDN: TZTJNH.

© Кажарова И. А., 2025

METAPHYSICS OF DREAMING IN THE STORY BY ZAUR KANKULOV «LIGHT SOOTH»

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The article focuses on the fruitful, but not yet developed in the context of Adyghe literature and its history, the issue of dream research. Through characteristic episodes from the biographies of iconic figures in the history of Adyghe literature, the problem of "creativity and dreaming" is emphasized, and episodes in which the experience of coming into contact with certain sacred spheres through sleep is told firsthand are considered the most interesting and trustworthy. The metaphysics of sleep, unfolded in the volume of a single work, is explored based on the material of Zaur Kankulov's short story "White Soot". The features of the hero's dream are considered based on aspects that are positioned as defining in most modern studies devoted to the interpretation of dreams in a

literary text. It is revealed that the metaphysics of sleep in the story "White Soot" is determined by the values associated in world culture with the confrontation of darkness and light.

Key words: Zaur Kankulov; Natouko Sheretluk; Bekmurza Pachev; dreaming; Adyghe literature; metaphysics.

For citation: Kazharova I.A. Metaphysics of dreaming in the story by Zaur Kankulov «Light sooth». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – Р. 368-379. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-368-379. EDN: TZTJNH.

© Kazharova I.A., 2025

Приблизительно с начала 90-х гг. XX в. изучение литературных воплощений сна оформилось в целое исследовательское направление, активность которого не спадает и в наши дни. Наверняка это неслучайно: переломные этапы социально-политического существования обычно обостряют интерес человека к непознанному, а таких этапов в обозначенном периоде было немало. Но как бы ни колебался к нему интерес, именно феномен сна среди иного непознанного примечателен тем, что ему предопределено никогда не утрачивать своих позиций как в духовной, так и в физической жизни человека. И мера его изученности здесь не при чем.

В культурной памяти любого этноса всегда отыщутся эпизоды, убеждающие в том, насколько властно проявляет себя энергия сновидений в судьбе человека, не говоря уже об их образотворческой монии.

Обращаясь к истории художественной культуры адыгов, уместно вспомнить эфенди Натоуко Магамета-хаджи Шеретлука, фигура которого высится у истоков адыгской письменности и литературы. Как пишет о его творчестве Султан Адыль-Гирей, «величайший поэт Черкесии, превосходный ориенталист Натоуко Эфенди много лет трудился над созданием алфавита и составлением грамматики адыгейского языка, совершенно преуспел в том и другом...» [Схалляхо 1988: 24].

Имея основательное арабоязычное образование и педагогический опыт, на склоне лет эфенди Натоуко взялся за дело, которое помогло бы, говоря его же словами, песням и преданиям богатырским попасть в сосуд книги. Составление адыгского алфавита сделалось бы венцом его собственного пребывания на земле. Но итог его труда оказался печален, он «был прерван и превращен в пепел» (И. Попко). Под влиянием сновидения, в котором ответом на горячие мольбы Натоуко о благословении прозвучали грозные слова осуждения, он бросил алфавит, над которым работал больше года, в огонь.

Подробности стали известны благодаря военному историку, этнографу и полиглоту Ивану Диомидовичу Попко (1819–1893). Ценно, что он описал произошедшее со слов самого эфенди Натоуко, которого называет не иначе как своим приятелем.

И.Д. Попко обращается к этой истории дважды. В 1857 г. под псевдонимом Н.Д. Помандруйко (вероятно, от укр. *помандрувати* – путешествовать, странствовать) он дает материал с заглавием «Полночный Курбан» в газету «Русский инвалид», а в 1858 г., делясь своими наблюдениями о черкесском языке как

предмете изучения, возвращается к трагедии Натоуко в одной из глав книги очерков «Черноморские козаки в их гражданском и военном быту» [Попко 1958]. Можно заметить, что в двух этих публикациях некоторые детали прирастают лишь к авторскому обрамлению монолога Натоуко, сам же монолог И.Д. Попко передает очень бережно.

Приведенный здесь фрагмент из повествования легендарного шапсугского эфенди довольно часто звучит в трудах адыгских литературоведов и писателей, но нам важно, чтобы он предстал в свете интересующей нас темы пересечения сна и творчества.

Поскольку мы опираемся на первоисточник, а он вполне удобочитаем, особенности орфографии здесь сохранены:

«Мнъ ужъ оставалось побѣдить одинъ только звукъ, на одинъ только неукротимый звукъ оставалось мнъ положить бразды буквъ. Но я не могъ его осилить. Такъ, помню, бывши еще юношей, обѣздила я много пылкихъ молодыхъ коней, но съ однимъ сладить не могъ, и онъ сбросиль меня и убѣжалъ... Наконецъ, въ одинъ осенний вечеръ, уединяясь, по обычаю, въ безмолвную келью мою, я принялъся молиться Всевышнему Подателю света и мудрости, да озарить онъ тусклое разумъніе мое и сладить послѣдній камень преткновенія на пути долгаго труда моего. Моя молитва лилась изъ сердца огненнымъ потокомъ. Осенняя ночь была темна и непогодлива. Буря выла вокругъ моей уны (хижинъ) и, врывааясь въ трубу очага, тревожила и возмущала горгѣшій на немъ огонь. Я молился и плакаль, молился до послѣдняго истощенія силь, до того, что, рас простертый на ветхомъ коврѣ молитвенномъ, заснуль... И се бысть мнъ видѣніе грозно. Духъ свѣта, или духъ тьмы, рѣшишь доднесъ не умью, — на крыльяхъ полночной бури, влетѣль съ шумомъ въ мою келью и, ставъ прямо предо мной и вонзивъ сверкающіе взоры мнъ въ лицо, воскликнулъ гнѣвно: «Нотаукъ, дерзновенійший сынъ праха! Кто призваль тебя, кто подаль тебѣ млатъ на скованіе цѣпей вольному языку вольнаго народа Адиговъ? Не безразсуденъ ли ты, мечтающій уловить и удержать въ кѣлѣтѣ шумъ перелетнаго вѣтра, клокотъ горнаго потока, свистъ стрѣлы, топотъ браннаго ска-куна? Оставь, хаджи Нотаукъ, оставь святотатственное предпріятіе и вѣдай, что трудъ твой неблагословленъ тамъ, где плачъ и молитвы твои въ нынѣшній вечеръ услышаны. Вѣдай, что мрачныя морщины не падаютъ на ясное чено молодаго народа, доколѣ не затвориль онъ своихъ поколѣній въ стѣнахъ каменныхъ, а мыслей, и чувствъ, и пѣсней, и сказаний своихъ въ книгахъ. Есть на землѣ единая, не ломкимъ перомъ смертнаго, но перстомъ Всевышняго начертанная, книга и довѣрѣть ея. И такъ, воспрянь и предай пламени горделиваго начертанія твои, и тепломъ ихъ посыпь высокомърную главу твою, да не будешь преданъ неугасающему пламени джегеннема...»

Я пробудился, обѣятый ужасомъ. Холодный и сырой мракъ могилы наполняль хижину мою, а вѣя ея, еще съ большей яростью, какъ съ вечера, бушевала буря. Крѣпко запертая на ночь дверь была отворена и, покачиваясь на петляхъ, унуло скрипѣла. На очагъ ни искры. Дрожа всѣми членами, я развелъ огонь, устроилъ костеръ и возложилъ на него мои драгоцѣнныесвитки. Я приготовилъ къ закланію моего Исхака; но я не имѣль ни вѣры, ни твердости Ибрагима. Что за тревога, что за борьба происходила въ моей душѣ! То порывался я броситься къ очагу и спасти мое умственное сокровище, то хотѣль бѣжать вонь изъ дому, и между тѣмъ стояль на одномъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый, какъ пригвожденный невидимою рукою. Я былъ подобенъ человѣку, который изъ своихъ рукъ зажегъ собственное свое зданіе и не имѣль больше силь ни остановить пожара, ни оторваться отъ ужаснаго зрѣлища»¹.

До наших дней не дошел не только алфавит, но и художественные произведения Натоуко. Остается лишь гадать, как повернулась бы культурная биография взрастившего Натоуко этноса, если бы не навеянная кошмарным видением утром.

Пример судьбоносного переплетения феномена сна и творчества, так же поведанный из первых уст, встречаем в биографии Бекмурзы Пачева.

Неизвестно, снилось ли в описываемые минуты что-нибудь будущему поэту-песнотворцу, но именно состояние сна определило раздел между глубоким потрясением, пережитым молодым Бекмурзой из-за неудачной попытки устроить личную жизнь, и пробуждением его творческого дара:

«Было это давно, полюбилась мне одна девушка... я не был богат, она же была из состоятельной семьи. Посватался я, да получил отказ... Похитил – у меня ее отняли. После этого одолела меня тоска, я ушел в себя, замкнулся... В один из дней, гонимый тоской, я оказался на кладбище, опустился на могилу своей сестры, и, обнимая холмик и плача, задремал... Когда я проснулся, был уже вечер, – как это вышло, не могу объяснить, – стала у меня зарождаться песня-плач...» (Перевод наш. – И.К.) [Пачев 2003: 6].

К развитию темы напрашивается небольшой, но западающий в душу момент изображения сна в его песне-плач об Алихане Каширгове.

Хоть и предстояло ему лицезреть эпоху разрушения прежних верований, «родом» Бекмурза Пачев все же был из тех времен, когда к традиционным знаниям относились почтительно и среди них толкование снов занимало не последнее место. Сон, поведанный Наго, супругой Алихана, – один из эмоционально насыщенных эпизодов песни.

Вот фрагмент, в котором Наго рассказывает о преследующем ее сновидении. Всего лишь две зрительные детали, но в них состояние не только предчувствия беды, но и бессилия перед ней:

«– Ди нанэ дыицэ,
Пицыххэр сольагъу.
Пицыхху слъэгъуахэр
Банэм и къуагъиц.
– Пицыхху сытхэр ульагъу,
Си нысэ?
– Лъыр къизгъахъуэу
Кхъуафэм изокIэ,
ПицIантIэ дэкIыпIэр
Бгынауэ слъэгъуаш» [Пачев 2003: 161].

«–Наша нана родная,
Вижу я сны.
Все, что приснилось,
Пусть колючим кустарником (скроется).
– В снах твоих что привиделось,
Невестка моя?
– Кровь зачерпывая
Желоб наполняю,

*Дорожжу перед двором
Покинутой вижу» (Перевод наш. – И.К.)*

В этом сновидении как в миниатюре предугадываются трагические события семейства Каширговых. Согласно верованиям, возможная опасность, которая может быть заключена в недобром сновидении, «нейтрализована» здесь традиционной адыгской формулой (*банэм и къуагъиц*). Это был сон-предупреждение, пророческий сон, но в том-то и трагизм ситуации, что сколь бы настойчиво ни посыпались сновидцу подобные предупреждения, ему едва ли дано изменить ход событий.

Надо ли говорить, что с развитием национальной письменности и восприятием опыта мировой культуры феномен сна заиграл новыми красками. В этом плане способна изумить виртуозностью владения психологической и образной нюансировкой сна поэзия Исмаила Батырбековича Клишбиева (1896–1974). Не только образы, но интонации многих его произведений погружают в почти гипнотическое состояние. О значимости феномена сна в его мировидении и поэтике позволяют судить стихотворения «Мы подобно сну...», «Сновидение», поэма «Сон» [Клишбиев 2009: 73, 84-86, 115-121]. Конечно, в адыгской литературе своей обращенностью к феномену сна Исмаил Клишбиев не одинок, но он уникален тем, что подобная эстетика рождалась в совершенно противоположном ей идеологическом контексте.

Исследование адыгской литературы с точки зрения рассказанных и увиденных в ней снов ждет своего часа и это обстоятельство определяет новизну нашей темы: творчество Заура Канкулова (1967–1992) пока исследовано мало, а метафизика сна, лейтмотивом пронизывающая его тексты, не осмыслена совершенно.

Как известно, его единственный сборник составляют пять рассказов и повесть. Нетрудно заметить, что среди этих произведений нет сновидений только в двух.

Сны, галлюцинации и видения занимают значительное место в художественной системе повести «Затерявшийся в городе». Кстати сказать, в вихре загадочных видений, которые проносятся перед взглядом героя на одном из участков повести, возникает и смутный образ алфавита Натоуко: «*Может, это тот самый алфавит нариу, рожденный в вековых муках, затем брошенный в огонь? Выпавший из старческих рук, ступавших лоно Божье с лоном земным, и оставшийся жить на земле?...*» [Канкулов 2022: 74]. В пространстве сна разворачиваются события рассказа «Светлая копоть»; сродни четко прописанной мизансцене сон в finale рассказа «Разговор в ночи»; необычное сновидение настойчиво цепляет потаенные струны души матерого чиновника из рассказа «Сон». Исключением здесь оказываются лишь рассказы «Одно утро Аминат» и «Миром правит капитал».

Мы остановимся на рассказе «Светлая копоть». Сформулированное в заглавии как «метафизика сна» будет рассмотрено с опорой на аспекты, которые значимы в глазах большинства современных исследователей литературных сновидений. Так, И.Н. Сухих в статье «Сон: эстетическая феноменология и

литературная типология» [Сухих 2016: 508–520] называет четыре таких аспекта – это *объем, граница, структура и функция*.

В.В. Савельева, анализируя поэтику снов в произведениях русских писателей, делает основной упор на *мотивах, персонажной структуре, пространстве и времени*.

О.В. Федуниной, исследуя связь между поэтикой сновидений и жанровой природой романа, помимо обозначенных ее коллегами аспектов раскрывает также и *типовую сновидение*.

К этому стоит добавить, что литературное сновидение может иметь ярко выраженный национальный акцент, о чем пишет З.А. Кучукова: «...сон – это чистая «голограмма», которой во многом «питается» литература. Другое дело, что голограмма имеет склонность к этническому преломлению, проникая в пространство определенной национальной культуры» [Кучукова 2005: 129].

Важно также упомянуть, что терминология, которая близка исследователям, постигающим природу литературного сновидения, весьма обширна. К ней относится, как отмечает В.В. Савельева, художественная гипнология, сновидческая топика, онейропоэтика, онейрический текст, онейрический хронотоп, онейротоп и другое [Савельева 2013: 6-21].

Но помимо вопроса о необходимости и точности исследовательского лексикона, не менее существенно точное определение самого исследуемого феномена – какие именно явления подпадают под определение литературный сон?

Так, в широком понимании под литературный сон могут подпадать не одни лишь сновидения, но и прочие феномены, с ними пересекающиеся. Рассуждая об этом, В.В. Савельева ссылается на подход Н.А. Нагорной, которая «включает в онейросферу «сновидения и близкие им пограничные состояния психики: бред, галлюцинация, видения и т.п.» <...> Для них характерны разные формы искажения восприятия реальности, преобладание субъективных визуальных, темпоральных, пространственных, слуховых, одорических и тактильных ощущений» [Савельева 2013: 17].

Иная позиция у О.В. Федуниной. Ради верного понимания литературного сна как элемента художественной структуры необходимо, говорит она, «отграничить его, во-первых, от сна как психофизиологического явления, а во-вторых, от близких, но не тождественных ему художественных форм (видения, бреда, галлюцинации персонажа)» [Федунина 2013: 7].

Казалось бы, все вполне очевидно: сон (и здесь необходима оговорка, что это слово имеет не одно значение, и внимание литературоведения направлено главным образом на сон как сновидение, а не физиологическое состояние) вовсе не равен галлюцинациям и прочим состояниям психики и нет причин отстаивать иное. Но все не так просто. Ведь нередко сновидения и пограничные состояния психики присутствуют на одном участке текста или переплетаются в одном произведении настолько тесно, что невозможно определить, где заканчивается одно и начинается другое.

Случаются слишком плавные, почти незаметные переходы, как, например, в повести З. Канкулова «Затерявшийся в городе».

Бывает, что потрясенный герой сам не может доподлинно определить природу пережитого им состояния – сон, бред, видение? Вот как переживает подобное Андрей Чартков из повести Н.В. Гоголя «Портрет»:

«При всем том он все-таки не мог совершенно увериться, что это был сон. Ему казалось, что среди сна был какой-то страшный отрывок из действительности <...> рука его почувствовала только что лежавшую в себе тяжесть, как будто бы кто-то за одну только минуту пред сим ее выхватил у него» [Гоголь 1984: 84].

Поэтому нам представляется более достоверным придерживаться широкого подхода к сновидению в литературе. Конечно, не потому что мы не разделяем сновидения и перечисленные выше явления, а потому что художественный материал диктует свои правила игры, иной раз сводя эти явления чуть ли не к синтезу.

Так же и с рассказом З. Канкулова «Светлая копоть»: развертывая не просто картину конкретного сна конкретного героя, но беседуя с читателем на языке культурных реминисценций и символов, сон отчасти подсказывает логику своей интерпретации.

Сон героя занимает весь объем рассказа «Светлая копоть». Увиденное определяется как сон лишь в самом finale, когда упоминается о пробуждении той, к кому герой летал в этом сне, а затем и о нем самом сообщается: «он проснулся и сел». Относительно границ изображенного здесь сновидения можно сказать, что мы имеем дело с наиболее типичным способом их пролегания – «ненаркированное, маскирующее границу сна начало и отмеченный конец» [Сухих 2016: 512].

Но это еще не все. В этом сне есть примечательный момент, когда герой наблюдает сон другого человека – дорогой его сердцу девушки, знакомой ему лишь по телефонным беседам. Они еще ни разу не виделись. Встревоженный необъяснимыми катаклизмами в природе, он рвется к ней, чтобы уберечь ее от потрясения, а явившийся из темноты загадочный пришелец предлагает ему помочь и становится его проводником. Они застают ее спящей. Стоит ли присмотреться к границам этого сна, связанного с другим персонажем? Сновидение девушки здесь вроде бы не показано. Зато показано другое. Рядом с ней, на подушке, почкоится раскрытая книга и даже можно прочесть, что там написано:

«...И тогда он протянул дрожащие руки к небу. А что еще он мог сейчас? Близился дождь, но люди не расходились. Готовые аплодировать, они слушали того, кто усеял свою грудь сорванными с неба звездами...»

«Дальше в книге не было ничего. Все знаки начисто выцвели» [Канкулов 2022: 102].

В переводе это не отражено, но в оригинале взгляд цепляет то, что слово книга взято в кавычки («Щхъэнтэм «тхылъыр» зэгуэхауэ тельт» [Канкулов 2004: 76]. Очевидно, это не просто книга, а нечто, представшее в ее облике.

Чтобы прояснить, почему это не просто книга, и что за текст в ней, и почему невозможно узнать его продолжение, следует остановиться на персонажах, их действиях и связанных с ними традициях и ассоциациях.

Картины этого сна, как часто бывает, далеки от всего привычного, здесь преобладает фантастическое, иррациональное. Действие происходит в пору предрассветных сумерек – самое мистическое время суток. Но рассвет, вопреки вечному миропорядку, не наступает. Тьма не высветляется, а лишь становится гуще и уходить не собирается. Присущее кошмарам и знакомое многим состояние, когда кричишь, но при этом не издаешь ни звука, очень близко к тому, в котором находится пробудившийся в этой зловещей тьме герой рассказа. Он пытается обнаружить хоть какой-нибудь источник света, но безуспешно: нашарить на стене включатель почему-то не удается, чиркнуть спичкой – тоже... Вот в таком образно-психологическом колорите и является перед ним загадочный некто. Писатель так его и обозначает, некто (в переводе Ларисы Маремкуловой *Нечто*, адыгский язык допускает оба варианта).

С первых же слов начавшегося диалога этот некто не пытается ввести в заблуждение человека, не отрицает свою родовую принадлежность:

«Потусторонний мир», – мелькнула догадка.
– Да, раздался голос, – я оттуда» [Канкулов 2022: 101].

Более того, он даже уточняет роль, которая ему отведена как представителю потусторонних сил:

«– Ты по мою душу? Может, попозже? Мне необходимо еще раз увидеть Ее...
– По твою душу? Ха-ха-ха! Мне она не нужна. Пока не нужна. Придет срок – вернусь за ней. Я по другому делу» [Канкулов 2022: 101].

Похоже на ангела смерти, раз имеет полномочия забирать души.

Этот некто хоть и не назван прямо, все же характером занятый ассоциирован не с царством света, а с царством мрака: «Попробую хоть раз сделать доброе дело» [Канкулов 2022: 101] – косвенно сознается он в том, что благородство ему несвойственно.

Надо сказать, для подобных гостей все эти признаки вполне традиционны: происхождение, «профессиональные склонности» и даже внезапные приступы несвойственного благородства. Для примера можно вспомнить Хромого беса из одноименного романа Анри Рене Лесажа или Дьявола из «Ночного путешествия» Валерия Брюсова. Кроме того, в действиях этого некто также проскакивают характерные детали, которые дополнительно подчеркивают его природу. Например, срывание звезды с неба отсылает к действиям персонажей гоголевской повести «Ночь перед рождеством»:

«А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другую, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. <...> Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывая его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки» [Гоголь 1984: 154].

Если не принимать во внимание все эти ассоциации, претензия на благородство этого проводника, а вдобавок и знатока человеческих душ будет способна ввести читателя в заблуждение. А вдруг не так уж отрицательны цели, которые преследует этот некто, рискнувший «хоть раз сделать доброе дело»? Возникают моменты, которые подталкивают к искущению хотя бы назвать его амбивалентным, а не причислять прямиком к силам тьмы. Ведь он, такой проницательный и всезнающий, честно признает, что недооценивал молодого человека (и эта объективность создает ему легкий флер благородства), а кроме того, именно из его уст раздаются горькие, но объективные слова о извечной роковой привычке, свойственной миру людей: «*Видишь, там, вдали, гаснет рядом много огней. Вы, люди, не можете не убивать друг друга...*» [Канкулов 2022: 103].

Срывание с неба звезды имеет в рассказе Заура Канкулова не только благородную цель – дать возможность обогреться ее теплом озябшему в полете молодому человеку, – но также прямые и трагические последствия:

«*Нечто взмыло вверх, сорвало с неба пылающую звезду и бросило ей. Стало теплее. Но там, внизу, в этот миг рассталась с телом одна невинная душа*» [Канкулов 2022: 103].

Пожалуй, теперь настало время вернуться к спящей девушке и лежащей рядом с нею книге. Значение сорванной звезды понятно, а потому становится ясно, что может представлять из себя упомянутый в книге человек, грудь которого усеяна *сорванными с неба звездами*… Может быть, все это не настолько очевидно находящемуся в тексте рассказа и пробегающему взглядом по странице загадочной «книги» герою, насколько очевидно читателю, находящемуся за текстом. А еще читателю дано увидеть, как руки героя, почти под занавес рассказа протянутые было к огню чьей-то жизни, составляют смысловую параллель рукам, протянутым к небу в той загадочной «книге»:

«*Можешь набрать огней и прибавить к своему. Если гаснет огонь – значит, душа отлетает. Видишь, там, вдали, гаснет разом много огней. Вы, люди, не можете не убивать друг друга... Что же ты медлишь? Бери огонь, прибавь к своему!*

Он опустился на колени и протянул руки к огню. И тут же их отдернул.

– *Нет, не хочу. Долго жить хорошо, но ведь надо уметь прожить с умом, а это не так просто. Отпусти меня, прошу. И ты возвращайся к себе, и забери с собой ночь*» [Канкулов 2022: 103].

Теперь становится очевидно, что самым логичным продолжением истории о протянутых руках и сорванных звездах (отнятых жизнях) могли явиться лишь пустые страницы, что это и в самом деле была не обычная книга, а книга судьбы героя рассказа «Светлая копоть».

Возможность увидеть пещеру, в которой горят огни жизни всех людей земли, возможность набрать огня для своей жизни как вознаграждение за… и впрямь, за что именно?

«*Я привел тебя сюда, потому что ты превзошел мои ожидания*» [Канкулов 2022: 103]. И немногим раньше: «*Я думал, ты не удержишься и разбудишь ее. Я недооценил тебя*» [Канкулов 2022: 103].

Что, собственно, произошло такого особенного, из-за чего некто заговорил о превосходстве героя? То, что молодой человек не стал будить девушку, опасаясь, что ее сердце не сможет биться без солнца? Так это естественно. Похоже, что некто забрасывает замысловатый крючок, на который должен попасться герой, а вместе с ним, наверно, и читатель.

Как бы там ни было, парень отвергает нехитрую манипуляцию по продлению собственной жизни. Он не будет присваивать себе чужой огонь жизни, не станет тем, кто усеял свою грудь сорванными с неба звездами. Соответственно этому поступку складывается финал произведения. Конец рассказа пленяет простотой и гармонией деталей, через которые проговариваются ценности писателя и его героя. Замечательна изображенная через пока невидимую для них связь поэтапность и последовательность пробуждения героя и той, к кому он летал во сне.

Финал не просто прочерчивает границу сна (ведь только сейчас мы понимаем, что это был сон), отделяя его от реальности, в которой нарастает солнечный свет, но и нейтрализует перспективу судьбы, переходящей в выбеленные страницы, чему свидетельством книга, которая теперь уже просто книга – она упомянута без кавычек:

«Она проснулась. Было еще темно. Нацупав книгу, закрыла ее и отложила в сторону...» [Советская молодежь 1997: 8].

Лишь после этого оказывается возможным и заслуженным торжество света. Заключительные строки рассказа процитируем в нашем переводе, поскольку в двух существующих не отражен важный акцент – «*вот теперь*»:

«Вот теперь наступал рассвет. Луци нарождающегося дня.

Парень проснулся и сел на кровати.

Позвоню ей, и, как услышу ее голос, положу трубку, – подумал он. – Только чем это перепачканы мои ладони? Пахнет копотью, и отчего она белая?..

Солнце нового дня ласково просилось в окна» (перевод наш. – И.К). [Канкулов 2022: 103].

Наблюдая торжество рассвета, стоит упомянуть, что светотеневой и цветовой рисунок создает интересные смысловые аккорды рассказа. И, конечно, такие ждут отдельного рассмотрения. Пока же просто вспомним мимолетную тусклую вспышку света, в виде которой таинственный некто отразился в зеркалах трюмо; трепетный свет ночника в комнате девушки, он *пропадает во тьме, не достигая углов помещения*; жаркие угли, которые осыпаются с сорванной звезды; огненный шар, который проламывает вход в пещеру; огни жизни; белую копоть, оставшуюся на ладонях героя и то, что книга его судьбы показана рядом с девушкой, которая *не может без солнца...*

Подытоживая наши наблюдения, можно сказать, что метафизику сна, изображенного в рассказе Канкулова «Светлая копоть», определяют ценности, ассоциированные в мировой культуре с противостоянием тьмы и света. Все остальное – определение границ, разделяющих сон и рациональную действительность, построение так называемой персонажной структуры, символика, мотивы,

общекультурные и собственно литературные аллюзии – всего лишь то, чем «обрастает» это фундаментальное противостояние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоголь 1984 – Гоголь Н.В. Собрание сочинений в восьми томах. Том III. – М.: Правда, 1984. – 334 с.
- Канкулов 2004 – Канкулов З.М. Затерявшийся в городе: Повесть, рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 96 с. (на каб.-черк. яз.).
- Канкулов 2022 – Канкулов З.М. Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. – 140 с.
- Кучукова 2005 – Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнopoэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005 – 312 с.
- Пачев 2003 – Пачев Б. М. Сочинения. Стихотворения и поэмы/ Сост. Х. Г. Кармоков, И. Х. Пшибиев, Ф. М. Хашукоева (на каб.-черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2003. – 376 с.
- Попко 1958 – Попко И.Д. Черноморские козаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. – СПб., 1958. – 292 с.
- Савельева 2013 – Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. – Алматы: Жазушы, 2013. – 520 с.
- Советская молодежь 1997 – Советская молодежь: газета. – 1997. – № 44. – 31 октября. – С. 8.
- Сухих 2016 – Сухих И.Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 544 с.
- Схаляхо 1988 – Схаляхо А.А. Идейно-художественное становление адыгейской литературы. – Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1988. – с. 288.
- Федунина 2013 – Федунина О.В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). – М.: Intrada, 2013. – 196 с.

REFERENCES

- FEDUNINA O.V. *Poehtika sna (russkii roman pervoi treti KHKH v. v kontekste traditsii)* [Poetics of sleep (Russian novel of the first third of the twentieth century in the context of tradition)]. – M.: Intrada, 2013. – 196 p. (In Russ.)
- GOGOL N.V. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. Tom III* [Collected Works in Eight Volumes. Volume III]. – Moscow: Pravda, 1984. – 334 p. (In Russ.)
- KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: Izdate'l'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2022. – 140 p. (In Russ.)
- KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode: Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 96 p. (In Kabardin-Circassian)
- KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskii metakod kak yadro ehtnopoehktiki: (Karachaevo-balgarskaya mental'nost' v zerkale poezhii)* [Ontological Metacode as the Core of Ethnopoetics: (Karachay-Balkar Mentality in the Mirror of Poetry)]. – Nalchik: Izdate'l'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005 – 312 p. (In Russ.)
- PACHEV B.M. *Sochineniya. Stikhovoreniya i poehmy / Sost. KH. G. Karmokov, I. KH. Pshibiev, F. M. Khashukoeva* [Works. Poems / Comp. H. G. Karmokov, I. H. Pshibiev, F. M. Khashukoeva]. Nalchik: El'brus, 2003. – 376 p. (In Kabardin-Circassian)
- POPKO I.D. *Chernomorskie kozaki v ikh grazhdanskom i voennom bytu. Ocherki kraja, obshchestva, vooruzhennoi sily i sluzhby* [Black Sea Cossacks in their civilian and military life. Essays on the region, society, armed forces and service]. – St. Petersburg, 1958. – 292 p. (In Russ.)
- SAVELYEVA V.V. *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneiropoehktika russkikh pisatelei* [Artistic hypnosis and oneiropoetics of Russian writers]. – Almaty: Zhazushy, 2013. – 520 p. (In Russ.)

SKHALYAKHO A.A. *Skhalyakho A.A. Ideino-khudozhestvennoe stanovlenie adygeiskoi literatury* [Ideological and artistic formation of Adyghe literature]. – Maykop: Adygeiskoe otdelenie Krasnodarskogo knizhnogo izdatel'stva, 1988. – p. 288. (In Russ.)

Sovetskaya molodezh': gazeta [Soviet Youth: Newspaper]. – 1997. – № 44. – 31 Oktober. – P. 8. (In Russ.)

SUKHIKH I.N. *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vsekh* [Structure and Meaning: A Theory of Literature for Everyone]. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 544 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

И. А. Кажарова – старший научный сотрудник

Information about the author

I. A. Kazharova – senior researcher

Статья поступила в редакцию 13.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.